

Анна Лепер

Работа над ошибками

12+

Анна Дмитриевна Лепер

Работа над ошибками

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67645508

SelfPub; 2022

Аннотация

Так ли я живу? Правильные ли решения принимаю? Иногда ответы на эти вопросы могут быть разными в зависимости от обстоятельств, периода жизни, даже настроения.

Анна Лепер

Работа над ошибками

Вера Викторовна проснулась без будильника и по-детски с наслаждением потянулась под одеялом. Залежавшиеся за время крепкого сна тугие выпуклые голени, пышные ягодички, обширная спина приятно, до легкой дрожи напряглись и блаженно расправились, упиваясь приливом бодрящей крови.

За окном было совсем неприветливо, еще не затопили, и в квартире чувствовалась неуютная прохлада, от чего под одеялом было особенно хорошо. Вставать не хотелось, да и не то чтобы было нужно, поэтому она позволила себе еще немного полежать, стараясь не порвать нагретое ее рослым дебелим телом облако утренней неги.

В ее жизни все было понятно и правильно. Она выбрала профессию учителя исключительно по призванию: всегда, с самого раннего детства, она чувствовала в себе, как ей казалось, совершенно естественное стремление научить других как правильно. Это касалось разных сфер жизни, но особенно ее всегда раздражала алогичность – в расстановке мебели, чьих-то суждениях, выводах, формулировках... Оказываясь в метро, она не могла отделаться от навязчивой мысли о том, что те самые инвалиды, которым среди прочих предлагается уступать место, вполне могут оказаться пассажира-

ми с детьми, а пожилые люди также очень часто бывают инвалидами, что делало эту фразу совершенно некорректной. Логические ошибки все время цепляли глаз.

Посвятив свою жизнь преподаванию математики, она полностью удовлетворила обе свои потребности – в учительстве и стройности суждений. Правда, ей приходилось постоянно сталкиваться с ошибками на уроках и в детских тетрадях, и каждый раз она испытывала от этого болезненный укол где-то между большими наливными грудями, которые всегда, даже дома, были как положено спрятаны в простой плотный бюстгальтер.

Из собственного бытия она давно старательно вычеркнула любые отклонения от истины и интенсивно переживала нарушение строгого порядка в чужой жизни. Именно в чужой, потому что в своей, выстроенной верно с самого начала, она его не допускала.

У нее было две подруги – Елена Алексеевна и Марина Сергеевна. Они втроем дружили еще со школы. И обе ее подруги успели к своим пятидесяти годам наломать немало дров.

Марина по нелепой случайности дважды выходила замуж, и каждый раз перед разводом приходила к Вере плакаться. Та ее, конечно, жалела и утешала, как могла, но никогда не забывала напомнить о том, что предупреждала о логичных, на ее взгляд, последствиях.

Лена же и вовсе так и не зарегистрировала свой брак, в

котором у нее родилось трое детей. И всю жизнь она тащи- ла на себе этот балаган, постоянно занимаясь только реше- нием бесконечных проблем, которые возникали одна за дру- гой или одновременно, как будто существовал некий выс- ший закон о непрерывности этой цепочки. Дети друг за дру- гом болели, выздоравливали, требовали поисков детского са- да, школы, изготовления нелепых поделок, выбора спортив- ных секций, написания сочинений на заданную тему, посе- щения родительских собраний, отмазки от армии...

И это только то, что касалось грубых искажений матри- цы. Мелкие отклонения начались еще в детстве. Подружки позволяли себе знакомиться в транспорте, неосмотрительно встречаться с незнакомыми мальчиками, курить, покупая в переходе у старушек сигареты поштучно, и даже пить. Ма- ринкины родители были какими-то мидовскими шишками, ездили в загранкомандировки, поэтому дома у нее водились совершенно диковинные напитки. Однажды они все втроем после уроков пришли к Маринке домой и, пока отец с ма- терью не вернулись с работы, открыли заветный шкафчик с алкоголем. Кроме всем известного коньяка и романтического мартини, Вера запомнила ликер с то ли серебристыми, то ли золотистыми блестками, которые плавно покачивались в гу- стой прозрачной жидкости. Подружки попробовали из каж- дой бутылки по глоточку и Вере, конечно, тоже предлагали, но она была уверена, что этого делать нельзя. Она всегда точ- но знала, о чем потом пожалеет. В тот вечер с Мариной и

Леной, правда, ничего страшного не произошло, но Вера не сомневалась, что это лишь случайный сбой системы.

Глядя на своих непутевых подруг, Вера твердо решила учиться на их ошибках и никогда не совершать собственных. Ведь всем известно, что на своих ошибках учатся только дураки. И еще, конечно, что жизнь надо сразу писать на чистовик, потому что переписывать черновик потом возможности не будет. Именно поэтому Вера всегда все очень тщательно обдумывала. Даже покупка одежды или обуви у нее не обходилась без взвешенного анализа: в магазине она старательно воссоздавала в памяти весь свой не слишком разнообразный гардероб и внимательно следила за тем, чтобы обновка, что называется, имела общий знаменатель с максимально большим числом вещей. Зачем случайно по дороге с работы покупать красные ботильоны или сумку с крупным цветочным орнаментом (как это частенько делала Марина), если из красной одежды у тебя только купальник, а сумок уже и так целых пять? Пустая трата денег и времени и к тому же нагрузка на экологию, потому что все эти бессмысленные вещи рано или поздно отправляются в помойку.

Вера Викторовна была убеждена, что, в отличие от подруг, всегда права, поэтому по мере сил помогала им, стараясь отговаривать от необдуманных шагов. Это был ее долг, ее крест.

Однако, если на жизнь людей ближнего круга она хоть как-то могла влиять, то все остальные нарушали законы

вселенной совершенно бесконтрольно. Как Дон-Кихот, Вера Викторовна всю жизнь боролась с ветряными мельницами в виде районной управы, жэка, продавцов и дорожных рабочих, которые постоянно, без всякого уважения к строжайшим правилам мироздания, устанавливали пивной ларек прямо напротив школы, чинили крышу после 22:00, хамили покупателям и укладывали асфальт при минусовых температурах. И каждый раз ей было больно – не за этих никчемных людей, конечно, а за общий миропорядок.

Кстати, порядок в доме тоже был для Веры обязательным условием существования. В ее небольшой квартире всегда было чисто и уютно. При этом она знала, что излишняя стерильность может казаться слишком холодной и непривлекательной, поэтому делала все необходимое, чтобы ее дом выглядел жилым.

У нее даже с годами появились свои традиции. Весной она всегда покупала на кухню живые тюльпаны и старалась следить за тем, чтобы на смену увядшему букету как можно скорее появлялся свежий (эту роскошь, правда, она начала себе позволять только когда решила на репетиторство). Летом старалась находить в лесопарке рядом с домом дикие неухоженные уголки и собирала там полевые цветы. Их беспорядочное разнотравье, конечно, оставляло на столе много мусора, но неповторимый терпкий аромат заставлял ее закрывать глаза на эту неопрятность (подумаешь, чуть чаще поработать тряпкой!).

Для осенней темы, конечно, сначала служили букеты, полученные от многочисленных учеников 1 сентября, а когда эти цветы увядали, на помощь в оформлении дома приходили яркие кленовые листья. Еще в детстве бабушка научила ее сохранять их резную ладошку разжатой: достаточно просто прогладить горячим утюгом. Правда, при этом слегка блекнут краски, но зато форма остается навсегда. Иногда она даже украшала такими листьями не только кухню у себя дома, но и школьный класс, аккуратно закрепляя их в имитации кружения на гладкой поверхности шкафа (чтобы потом можно было без последствий снять) и стараясь заодно (целях просвещения) придерживать спирали Фибоначчи.

Зимой же ничего не нужно было придумывать: главный и самый правильный аксессуар – это новогодняя елка. Искусственная, чтобы не убирать хвою, но нарядная и обильно украшенная по-советски: разноцветными и разнокалиберными игрушками и пышной пеной мишуры. Тут, пожалуй, она немного отступала от стремления во всем к строгой симметрии, потому что, уже зная об элегантных однотонных елках, которые красовались в европейских интерьерных каталогах, не стала исправлять немного как бы всклокоченный дизайн елки советского детства. Тем более что елочных украшений у нее было предостаточно. Были среди них и новые шарики (конечно, подаренные кем-то из подруг), и старые, почти старинные игрушки, некоторые из которых были сделаны руками все той же бабушки – большой мастерицы

и выдумщицы. Эти уникальные и уже весьма потрепанные гномы, солдатики, зайчики и белки, вырезанные из картона и либо оклеенные цветной бумагой, либо просто раскрашенные цветными карандашами, были сделаны, наверно, еще во времена папиного детства. Поэтому Вера Викторовна, естественно, считала недопустимым вешать вместо них новодел.

Все свои полвека (если не считать безмятежного детства, конечно) Вера Викторовна жила одна и была совершенно этим довольна. Замуж она не то чтобы не хотела: она была бы не против, если бы нашелся подходящий для нее мужчина, но такой на ее пути не встретился, а за неподходящего выходить было неправильно.

Когда-то в молодости она еще находила уместным отвечать на ухаживания. Первого молодого человека звали Роман, он был однокурсником одного из Маринкиных кавалеров, и познакомились они при вполне приличных обстоятельствах: в гостях у Лены (потом, правда, выяснилось, что вечеринка была устроена специально для их знакомства, но Вера несколько не расстроилась, потому что считала такой способ гораздо надежнее транспортного). Встретившись с ним два или три раза Вера сделала для себя неутешительный вывод, что он не понимает элементарных правил этикета (на первое свидание явился без цветов), ест без ножа и к тому же – о ужас! – интересуется уфологией, что в строгом научном мире Веры было едва ли не смертным грехом. Продолжать с ним встречаться, а тем более выходить за него замуж было

недопустимо. Поэтому Вера с абсолютным ощущением собственной прозрачной правоты прямо и без всякого стеснения сообщила Роману о своем отрицательном решении относительно его кандидатуры в мужа, а заодно, конечно, рассказала о вреде лженаучных увлечений и научила держать в руках столовые приборы. Про цветы решила не упоминать, разумно посчитав, что подобное замечание может быть воспринято как указание на материальную несостоятельность жениха, что, в ее понимании, было бы крайне бестактно. В ее глазах он был настолько неразумен, что даже жалок.

Шли годы, и она понимала, что любая нормальная женщина должна иметь детей: таков закон жизни.

На ее пути встретились еще пара мужчин, которые достаточно близко подошли к границам ее суверенного мира. Один из них, Александр, ей даже очень сильно нравился: он был высок, строен и пах сыростью (он жил в полуподвальной комнате, где вещи никогда до конца не просыхали, и этот запах стал ей необъяснимо приятен). Александр покорила ее своей уникальной способностью быстро и безошибочно производить в уме арифметические действия.

Впервые они увиделись на свадьбе Маринки, где он был одним из приглашенных со стороны невзрачного жениха и запечатлелся в ее сознании мгновенным подсчетом предполагаемой подаренной суммы, на которую могут рассчитывать молодожены. Результат был получен путем выведения среднего арифметического из нескольких первых конвертов

и умножения на общее число гостей. Сами по себе расчеты были элементарны, но весь фокус заключался в скорости. Вера еще даже не успела прикинуть пресловутое «дано», а у него уже был готов ответ (правильность которого она, несомненно, потом проверила уже в доступном для нее темпе). Второй раз они увиделись ровно через год, как раз на первой годовщине все тех же молодоженов, которые к тому моменту уже успели друг другу порядком надоесть. Оставленный на пленке ее памяти негатив образа Александра как бы проявился в готовый снимок. В тот вечер он пошел ее провожать.

Так начались их встречи, которые продолжались почти три месяца: они ходили в кафе, гуляли по бульвару, держась за руки и даже целовались. И эти поцелуи были для нее совершенно новым ощущением. Они погружали ее в состояние внезапного беспамятства, когда наступает какая-то вакуумная мгла, а потом вдруг ты открываешь глаза и с удивлением видишь листву, которая шелестит на ветру, и траву со всем ее многообразием оттенков зеленого, и близко-близко его лицо, которое уже кажется родным, как отражение в зеркале. И вроде бы Вера чувствовала себя счастливой, но ей все равно казалось, что это мнимое счастье вызвано лишь зовом плоти и намеренно одурманивает ее наркотом влечения, чтобы она не ощущала уколов сомнений. И как тончайший и, казалось бы, тихий писк комаров в темноте мешает уснуть, так эти сомнения, все-таки проникая даже сквозь по-

лупрозрачный полог чувственности, не позволяли ей полностью отдаться своей любви.

Вера была не уверена в том, что ее чувства достаточно глубоки. Кроме того, она сомневалась и в его взаимности. Александр был приезжим – из Ярославля. А вдруг он просто позарился на ее прописку? А вдруг, став его женой, она пропустит более подходящий для нее вариант? Ведь его учеба в каком-то невразумительном, по ее мнению, институте управления, к тому же на вечернем отделении, вряд ли могла обеспечить ему хорошее образование, а его провинциальное происхождение не позволило ему с детства впитать насыщенный настой столичного культурного досуга, который был для нее всегда основным источником наслаждения и который она считала обязательной составляющей полноценной жизни.

Кроме того, он начал уже вести себя слишком настойчиво, неправдоподобно пылко объясняясь в любви и намекая на длительное воздержание. А вдруг он и вовсе встречается с ней только ради постели?!

Она так боялась сделать роковой неверный шаг, что решила с ним порвать.

В ночь перед запланированным расставанием она сильно плакала, но это только придало ей сил: слезы очищают от сомнений. Встретившись с ним, как она решила, в последний раз и сообщив ему о своем намерении, она неожиданно почувствовала в нем такую боль утраты, что едва не передума-

ла.

– Но я ведь уже люблю тебя! – едва слышно прохрипел он куда-то в пространство, и на щеке, которая была ближе к Вере, четко обозначился желвак; ей даже показалось, что она услышала, как от нагрузки скрипнули его сжатые зубы.

– Мы все равно не смогли бы долго быть вместе, – не очень уверенно возразила она, хотя в душе уже презирала себя за слабость.

– Почему?!

– У нас слишком разные интересы.

– При чем здесь интересы? – то ли удивился, то ли возмутился он. – Я тебя люблю!

В тот момент в ее душе шла пресловутая война между ангелом и демоном. Ангел спокойно и уверенно убеждал с чувством выполненного долга уйти и не оглядываться, демон же издевательски направлял в ее сторону легкий летний ветерок, доносивший такой уже родной запах полуподвальной прелости, который источала каждая пора его высокой шеи, графичных ключиц, рельефных плеч...

«Возьми себя в руки, Вера! – приказала она себе, насильно вызывая в памяти Маринкин брак, который, несмотря на все пышные торжества, уже кубарем катился к разводу. – Ты же не хочешь повторить ее ошибку!»

Ее молчание, видимо, стало для него невыносимо, и он попытался прекратить муку:

– Скажи мне только, я тебе вообще нужен? Если нет, я

уйду из твоей жизни навсегда.

«Боже, сколько фальшивой театральности! – заскрежетал в ней безупречный вкус. – Если я сейчас поддамся простому зову плоти и продолжу с ним отношения, то просто перестану себя уважать!»

Преодолевая желание подойти к нему поближе и положить подбородок туда, где его высокая сильная шея становится плечом («Какая непростительная распушенность, Вера!»), она преодолела путы физиологии, решительно встала со скамейки, выдавила из себя кровавое «не нужен» и, приняв сторону ангела, гордо понесла свой пылающий столп души в сторону метро.

Александр остался один на скамейке бульвара и, как и обещал, больше ее не беспокоил.

Душа пылала еще несколько месяцев, а потом полностью прогорела изнутри; осталась только обугленная твердая оболочка. Вера твердо знала, что ей больно не от любви, а от жалости – она ведь нарушила с детства усвоенное правило об ответственности перед теми, кого приручила. Но иначе было нельзя: продолжение отношений с этим человеком было бы ошибкой.

Больше она с мужчинами не встречалась. То ли после этого неудавшегося романа остался ожог, на месте которого образовалась рубцовая ткань страха повторения боли, то ли просто ей ужасно не везло с мужским окружением, но она не видела среди них ни одного приличного человека. В конце

концов она создала вокруг себя спасательный круг из многочисленных приятельниц, которые заполнили собой все вакансии ее души, отведенные природой для мужчин: с подругами она ходила в театры и рестораны, ездила в отпуск, встречала Новый год и даже воспитывала детей (благо у Лены их было целых трое). Вера очень постаралась, чтобы места для мужчины в ее жизни не было.

Ах да, был все-таки еще один, которого случайно занесло в эту стерильную женскую среду. Знойный испанец Уго, опять же какой-то знакомец Марины. Позарился на Верину классическую русскую красоту: большое белое тело, крутые бедра, которыми она без всякого соблазняющего намерения покачивала при ходьбе, пышная высокая грудь (как она ни пыталась ее прятать как нечто вызывающее, она все равно прочитывалась опытным мужским взглядом даже под свободной одеждой), почти прозрачные серые глаза, которые всегда были тщательно подкрашены (ходить без макияжа неприлично), светлые волосы, собранные на затылке в тяжелый пучок... Для иностранца, тем более испанца, она была просто воплощением русской женщины! Когда Вера Викторовна, даже уже в своем зрелом возрасте, ездила в отпуск к морю, ей частенько присвистывали вслед южные мужчины, которые в ослепляющих лучах влечения к женщине не замечали ледяной глазури, покрывающей ее красоту. Но она, конечно, никогда не реагировала на эти унижительные намеки. Уго тоже не устоял и со всей энергией испанской страсти

пытался заставить Веру разглядеть в нем мужчину. Но Вера выдержала натиск: это было совсем нетрудно. Уго был настолько эмоционален, что его броуновское движение не вызывало в ней ничего, кроме досады. К тому же он так коверкал скудные слова и так убого выражал свои мысли, что они (эти мысли) казались такими же убогими, как и их вербальное воплощение. Вера воспринимала его как недоразвитого ребенка, которого можно только жалеть, но уж точно не рассматривать как потенциального мужа.

Впрочем, и с развитыми детьми она общаться не умела. Единственное, что она к ним испытывала, – это желание учить. К своей работе она подходила ответственно, но сухой холод ее объяснений не передавал живой мысли. Дети ее не любили, считая надменной, занудной и даже злой. Вера Викторовна знала, что за глаза они называют ее Бабищей. Другая бы на ее месте оскорбилась, но Вера воспринимала учеников просто как педагогический материал, на который не распространяются человеческие эмоции. С Лениными детьми она тоже старательно исполняла свой педагогический долг, что не приносило особой радости ни одной из сторон. Ленка пыталась защищать своих отпрысков от навязываемых им знаний-умений-навыков, но была для этого слишком слабохарактерной. Железная воля Веры придавила своей тяжестью всю Ленкину семью, включая недомужа.

Где-то в глубине души Вера Викторовна даже была уже рада собственной бездетности, потому что понимала, что

рождение ребенка в ее случае могло стать непростительной ошибкой, о которой она, вероятнее всего, очень скоро бы пожалела. И раз уж она отказалась от брака, который при необходимости все же можно было расторгнуть, то решаться на пожизненные обязательства материнства было теперь, по ее мнению, совершенно безрассудно.

Свое одиночество она принимала как данность. Для общения ей вполне хватало подруг, а семейная жизнь все больше казалась ей чем-то противоестественным: какой-то совершенно чужой человек, как говорится, начинает «мелькать перед глазами, туда-сюда, туда-сюда» и к тому же требует заботы, внимания, возможно даже самоотречения!

Вера же Викторовна не готова была отречься, потому что очень себя любила. Она с педантичной регулярностью умащивала свое мягкое тело кремами, холила роскошные волосы цвета липового меда со сливками, втирала ароматные питательные масла в ногти, приятными поглаживающими движениями наносила ухаживающие снадобья на свои гладкие и круглые, как галька на морском берегу, пятки, нежно и бережно обрабатывала каждый маленький пальчик на ноге. И все это роскошество отвечало на такую любовь взаимностью: тело цвело красотой и здоровьем, не причиняя ей никаких неудобств.

Каждое утро, проспав, как и полагается, не менее восьми часов, она начинала свой день с блаженного потягивания, которое нежно и осторожно будило весь организм, разгоняя по

самым отдаленным его уголкам горячую свежесть, заставляя сердце биться бодрее, освещая еще сонный мозг ярким светом пробуждения.

В рабочие дни она ложилась и вставала рано, а в выходные обязательно позволяла себе никуда не спешить. А сегодня был как раз выходной.

Несмотря на низкие туманные облака, источающие мелкую водяную взвесь, Вера Викторовна сразу после сытного завтрака собралась на улицу: это тоже была традиция. Прогулки чрезвычайно полезны для здоровья, свежий (а тем более прохладный) воздух положительно сказывается на цвете лица, а высокая влажность исключительно хороша для кожи. Кроме того, давно уже было пора набрать листьев для осеннего декора. И как хорошо, когда прекрасный парк практически под окнами! Тем более, пока она собиралась, тучи будто сами в себе растворились, открыв миру ослепительное солнце.

Твердо ступая по тихонько ворчащему гравию дорожки, она не спеша совершала свой еженедельный моцион в совершенно счастливом одиночестве. А вернее даже, в прекрасной компании: по обеим сторонам дорожки каждый ее шаг сопровождали старые знакомые – великолепные красавцы клены. Она с детства обожала эти деревья, которые были прекрасны в любое время года, но особенно, конечно, осенью. Некоторые из них пылали греющей глаз огненной листвой, но Веру всегда больше восхищали желтые. И сегодня,

после только что перенесенного дождя, их мускулистые тела-стволы, впитавшие в себя эту небесную влагу, на фоне яркого прощально-голубого неба казались будто сделанными из темно-коричневой, почти черной замши; и им чрезвычайно, до замирания сердца, шло роскошное золото листвы. Вера Викторовна мысленно здоровалась с каждым деревом и благодарно поднимала с земли его ароматные пятипалые дары, напоминающие своей чуть заметной нотой прелости что-то щемящее и давно запрятанное в самый дальний уголок памяти.

Видимо, из-за недавнего дождя гуляющих было немного, но в конце аллеи Вера заметила молодую пару. Они явно выясняли отношения. Девушка вытирала глаза платком, а молодой человек, будто привязанный к ней невидимой цепью, ходил вдоль дорожки маятником, от чего прошаркал в пышном ковре опавшей листвы черную горестную дорожку.

«И все-таки хорошо, что никто мне не треплет вот так нервы», – со вздохом подумала Вера Викторовна и повернула в сторону дома.

Уже почти у самого подъезда ее слух разрезало острое жалобное мяуканье. Вера пошарила глазами вокруг себя и увидела под скамейкой трясущееся тощее существо, тщедушность которого никак не вязалась с силой издаваемого звука. Котенок пищал оглушительно и безостановочно, стараясь максимально широко открывать маленькую розовую пасть, которая, очевидно, служила рупором. Заметив, что на него

смотрят, он будто бы ухватился за тонкую ниточку взгляда и не хотел отпускать: тут же суетливо подбежал к сильной Вериной ноге и стал настойчиво об нее тереться. Шерсть у него была неопределенно-грязного цвета, и Вера испугалась, что он испачкает ее почти еще новые светлые кеды.

Вера Викторовна попыталась уйти, но котенок стал путаться под ногами, всем телом пытаясь поставить ей подножку и добавив к громкому мяуканью такое же интенсивное мурлыканье. Она даже удивилась, что этот обычно довольно тихий вибрирующий звук долетал до ее ушей, несмотря на шум близкой проезжей части и шелестение листвы на ветру. Котенок так заискивал перед большим благополучным человеком, что Вера поняла: оставить его на улице было бы нехорошо. Брать кошку себе, она, конечно, не собиралась, поэтому решила пока передержать ее в подъезде, где по крайней мере тепло и сухо.

Она брезгливо взяла котенка в холеные руки и, стараясь не прижимать его к себе (вдруг лишай или блохи!), донесла до своей лестничной площадки. Из нежного граммофона маленькой пасти по-прежнему вырывался оглушительный писк, как будто это навязчивое существо хотело чего-то большего, чем просто крова.

«Ну конечно, его надо накормить!» – догадалась Вера.

Она поспешила в квартиру, едва успев закрыть дверь прямо перед чрезвычайно юрким носом: котенок, едва коснувшись пола, со всех четырех ног ринулся в сторону открыв-

шейся теплой щели, из которой щекотал чуткие голодные ноздри еще не выветрившийся с Вериного завтрака аромат яичницы с колбасой.

Вера Викторовна вынесла котенку коробку с одной из своих старых кофт, которая давно стала ей мала и была приготовлена для отдачи бедным, и два пластиковых контейнера (чтобы потом можно было без жалости выбросить) – один с водой, второй с несколькими кусочками колбасы. Котенок жадно набросился на еду, жалко подрагивая тощими лопатками под слипшейся от дождя скудной шерстью. Вера воспользовалась его отвлеченным вниманием и с облегчением закрыла за собой дверь.

Слава богу, у нее нет никакой живности! Она сняла все-таки испачканный плащ и немедленно отправила его в стирку. Теперь можно спокойно заняться листьями, насладиться прозрачным дневным сном, не спеша пообедать...

Правда, всю эту безмятежность немного нарушали мысли о котенке. Ведь мы в ответе за тех, кого приручили... И пусть она его еще не приручила, но она подарила ему надежду. Не будет же он всегда жить в подъезде! Придется найти ему хозяев.

И Вера Викторовна, бросив в прихожей золотые листья, начала последовательно обзванивать всех своих многочисленных приятельниц и подруг, предлагая им это облезлое счастье.

К ее досаде, никто не соглашался.

«Ну ничего, одну ночь кот вполне может пережить в подъезде, – рассудила Вера, – а завтра я что-нибудь придумаю».

Вторая половина дня прошла как-то скомканно. Присутствие за дверью этого неприкаянного орущего тельца, которое так безудержно рвалось к теплу, нарушило ее стабильное равновесие. Перед сном она вышла на площадку, чтобы налить молока и дать новую порцию колбасы, а также вынести еще один контейнер – для противоположных надобностей. Едва увидев ее на пороге, котенок, который до этого мирно лежал на жертвенной коффе, мгновенно мобилизовался и начал переминаться передними лапами с ноги на ногу, заискивающе заглядывать Вере в глаза и оглушительно (если это слово вообще в данном случае применимо) мурлыкать.

Вера Викторовна решила не давать волю желанию погладить настырно выпрашивающего ласку зверька. Шерсть его была всклокоченной и грязной, глаза слезились. Не дай бог что-нибудь подцепить! Да и привязывать ни к чему...

У Веры не было особого опыта общения с кошками, но теперь, когда та немного обсохла, стало понятно, что это девочка. На вид ей было не меньше полугода. «Уже не крошечный котенок, пристроить будет, наверно, не так просто. Завтра отвезу ее к ветеринару: пусть проверит на лишай, блох и глистов. Может быть, там и удастся оставить», – приняла она единственно верное решение и пошла спать, бегством спасаясь от преследования за дверью квартиры.

Уже в постели в ее памяти снова возникла оставленная на

площадке жалкая сиротка: «Может быть, завтра я встану, а она уже куда-нибудь делась», – малодушно успокоила себя Вера Викторовна и погрузилась в здоровый сон.

Но утром выяснилось, что кошка навязчиво орет под дверью: запомнила, нахалка, откуда выносят еду! Хорошо, что дверь у Веры Викторовны была надежная, железная: сквозь нее крики были почти не слышны. Она уловила их высокие ноты, только проходя по коридору на кухню. И сразу хрустальное настроение утра разбилось вдребезги: новая забота, свалившаяся на ее голову, нарушала привычную безупречность выходных.

Вере Викторовне ужасно не хотелось выходить из дома. По воскресеньям она привыкла убираться и иногда готовить что-нибудь новое по рецепту из Интернета. Иногда она, конечно, отступала от своих привычек, но только ради чего-нибудь еще более приятного – например, похода в театр или на выставку. Сегодня же ей приходилось отказаться от удовольствий в пользу долга перед живым существом, которое она так неосмотрительно пригрела. Вместо спокойного размеренного завтрака она только наспех выпила кофе и пошла кормить свою подопечную, а заодно и сделать пару ее фотографий, чтобы дать объявление на «Авито» и разослать знакомым.

Удивительно, но кошка оказалась то ли очень смышленной, то ли уже приученной к лотку. Вере пришлось снова вынести кошкин горшок, чтобы не создавать неудобств соседям. Но

лучше, конечно, так, чем мыть лестничную клетку.

Тем временем кошка совсем осмелела и так истово демонстрировала свою благодарность, что пару раз Вера Викторовна чуть не споткнулась, потому что это верткое вибрирующее от мурчания воплощение преданности постоянно оказывалось именно там, куда она собиралась сделать свой очередной шаг.

Прибегнув снова к отвлекающему маневру в виде колбасы, Вера Викторовна укрылась в квартире. За плотно закрытой дверью она почувствовала себя относительно спокойно. Даже за эти несколько минут заботы она ужасно утомилась. Кроме того, нужно было тщательно вымыть и обеззаразить все участки тела, к которым могла прикоснуться, возможно, лишайная шерсть.

До визита к ветеринару она решила задействовать все свои каналы связи для поиска хозяев этой бесприютной жизни. Она стала обзванивать всех, кто значился в списке ее контактов в телефоне и был хоть отдаленно знаком с ней лично. Она позвонила даже своим массажисту, маникюрше и знакомой школьной уборщице, которой она пару раз приносила донашивать свои вещи. Все страшно умилялись ее рассказу, но отказывались взять кошку себе, ссылаясь кто на наличие других питомцев, кто на аллергию, кто просто на преклонный возраст. Веру это уже начало раздражать. Кроме того, дамокловым мечом над душой висел визит в ветклинику.

Зная о плачевных последствиях прокрастинации, Вера Викторовна не позволяла себе откладывать неприятное на потом. Поэтому она надела все самое неприглядное, посадила кошку в старую холщовую сумку и понесла ее в клинику. Несчастливая, видимо, решила, что ее выдворяют: вдруг ощетижилась всеми имеющимися в арсенале иглами когтей.

К удивлению Веры ветеринарную помощь оказывали в ее же доме, в подвальном помещении, и она узнала об этом только из Интернета. «Надо же, не замечала, ничего не замечала...» – привычно подумала Вера Викторовна цитатой из любимого фильма. В сумке в ее руках кошка неистово боролась с судьбой: она пыталась разорвать опутавшую ее темноту и отчаянно голосила.

В клинике было всего два пациента: большой грустный пес (породы Вера, конечно, не знала), который лежал у ног хозяина подбородком на передней лапе, расстелив на полу свои большие и плоские, как лопухи, уши (когда она вошла, он только возвел на нее полные скорби глаза, от чего его морщинистые старческие брови поднялись и одновременно нависли, а нижние веки еще печальнее опустились вниз); и, судя по специальной пластиковой переноске (не такой позор, как у Веры!), кот. Она сразу поняла, что это именно кот, а не кошка, потому что из щелей переноски время от времени доносился полный мужского достоинства надтреснутый баритон, совершенно не похожий на писклявые вопли из ее собственной сумки.

Атмосфера царила угнетающая: все – и четвероногие, и двуногие – были подавлены (кто в силу собственного недуга, кто из солидарности). И Вера Викторовна не стала исключением. В клинике тоскливо пахло лекарствами и мокрой псиной, а объявление на стене («Мы усыпляем животных ТОЛЬКО по медицинским показаниям») наводило на мысли о существовании людей, способных к умерщвлению пышущего здоровьем теплого и подвижного, но почему-то никому не нужного зверя.

Вера прижала к себе кошку, не прекращающую бесноваться в холщовом плену. «Не бойся, милая, я найду тебе дом, в котором тебя будут холить и лелеять», – сама себе удивляясь, вслух прошептала она, нагнувшись к сумке. Неужели она только что обратилась к кошке?! Какое-то безумие...

Очередь подошла довольно быстро.

– Доставайте, сажайте на стол, – привычно пригласил огромный (даже по сравнению с Верой) бородатый человек, весь покрытый разноцветными замысловатыми наколками.

Вера Викторовна опасливо приоткрыла сумку. Кошка, как будто поняв, что в сумке все-таки лучше, теперь перестала рваться наружу, а начала наоборот всеми силами сопротивляться извлечению.

– Ой, и кто это у нас тут такой маленький и вредный! – неожиданно для своей устрашающей внешности засюсюкал ветеринар. – Да какие же мы хорошенькие, просто загляде-
нье!

Умелым движением он извлек кошку на белый свет, поднял ее высоко над головой, и его окладистая борода стала еще шире от расплывшейся по лицу яркой улыбки.

Вера Викторовна почувствовала необъяснимую гордость.

Она подробно описала ситуацию, мол, кошечка уличная, надо проверить, все ли с ней в порядке.

В руках врача кошка затихла и присмирела. Он ловко померил ей температуру, посветил какой-то сиреневой лампой на шерсть, поискал и не нашел блох, осмотрел зубы.

– На удивление чистая для уличной кошечка, – констатировал он и добавил. – Только от глистов дайте – и можете спокойно пускать ее в постель.

Вера Викторовна хотела объяснить, что вовсе не собирается оставлять кошку у себя, что просто решила надлежащим образом подготовить ее для передачи будущим хозяевам, но неожиданно для самой себя промолчала. Ей почему-то стало неловко.

– Как зовут?

– Кого? Моя фамилия Круглова.

– Кошечку как назвали? – расхохотался бородач.

– Эээ... – Вера замялась. – Кошкой.

– Прямо Кошкой и назвали? Ну что ж, так и запишем: Кошка Круглова.

Ветеринар был явно общительным и добрым парнем, поэтому Вера Викторовна не стала ему возражать, а только растерянно улыбнулась в ответ. В момент наречения она почув-

ствовала неуловимую необратимость событий и как-то резко устала. Врач помог ей снова упаковать Кошку (теперь это было уже имя собственное!) в сумку, и Вера на дрожащих ногах направилась к выходу. У двери она обернулась. Ей хотелось сказать этому огромному душой и телом человеку что-то доброе и благодарное на прощание, но у нее получилось только «Спасибо!»

По дороге до своего подъезда Вера чувствовала сквозь тонкую холщовую ткань горячую дрожь: Кошка тоже перенервничала и утомилась. И даже когда Вера выпустила ее на площадке в утепленную коробку, Кошка безропотно вжалась в мягкие складки мохера и даже не попыталась втиснуться в закрывающуюся дверь Веринной квартиры.

Вера Викторовна понимала, что с устройством Кошкиной судьбы надо спешить: чем дольше она с ней возится, тем вероятнее потом будет по ней скучать, а она совсем не стремилась к этим излишним сантиментам, поэтому сразу же разместила объявление, а еще попросила Лениных детей сделать публикацию в своих соцсетях. Хоть Вера сама и не была сторонником такой формы общения, но на своих учениках видела силу и эффективность этого средства массовой информации.

Так прошла целая неделя. Вера Викторовна исправно каждые утро и вечер кормила Кошку и убирала за ней, а все раскинутые ею сети пока так и не приносили улова. Правда, сосед по площадке, старый сантехник дядя Паша, пред-

ложил отвезти Кошку на какую-то ферму, которую он всегда проезжает по дороге на дачу: мол, там ее не прогонят и, может, будут кормить вместе с другими животными. Вера вежливо отказалась, а мысленно возмутилась: «Как можно предлагать такое! Любая кошка должна жить в тепле и неге, а не перебиваться случайными подачками и не проводить ночи на холодной земле». Она сама была изнежена и теплолюбива, поэтому ей всегда было жалко животных, у которых нет теплого дома.

В субботу, когда она возвращалась с прогулки, ее остановила соседка, которая жила этажом ниже со стареньким мужем и таким же стареньким коккер-спаниелем. Когда кто-то из них шел с собакой гулять, то ехать с ними в одном лифте было практически невозможно от жуткой, режущей глаза вони. Но они так любили своего пса, что Вере и в голову не приходило осуждать их за этот дискомфорт. Если деваться было некуда, она стойчески терпела, стараясь не дышать носом и поддерживая при этом светскую беседу, а если была возможность задержаться у почтовых ящиков, она предлагала отправляться наверх без нее, лишь бы не погружаться в эти удушливые любезности.

– Верочка, добрый день! Вы извините меня, пожалуйста, но наш Рольфик на вашу кошечку реагирует. Вы, наверно, хотите ее куда-то пристроить? Если можно, поскорее, пожалуйста. Я слышала, бывают приюты...

– Да, действительно! Про приюты я и забыла. Спасибо!

И Вера Викторовна поспешила домой, чтобы спрятавшись от Кошкиных просительных глаз и поискать для нее приют. Правда, само слово «приют» ей ужасно не нравилось: в нем было столько сиротского, что трудно было решиться собственноручно отправить туда живое существо. «Но трудно – не значит невозможно», – напомнила себе Вера и взялась за поиски.

В Интернете было очень много приютов – как поблизости, так и в других районах Москвы. Но начав обзванивать, Вера столкнулась с тем, что по указанным телефонам она слышала либо равнодушную каплю коротких гудков, либо странное правило: животных можно только забрать себе, и в обратную сторону система не работает. В общем, часа через два безостановочного и совершенно безрезультатного обзвона, Вера поняла, что эта затея тоже провалилась.

«Ну и хорошо, – подумала она, почти не отдавая себе отчет в собственных мыслях, – неизвестно еще, сколько в этом приюте Кошке пришлось бы провести. И вдруг она бы не поладила с другими его обитателями...» А потом сразу же спохватилась: «Но куда-то ее все равно надо пристроить! Пускать в свою квартиру ни в коем случае нельзя: после этого выставить ее будет еще труднее».

Но в воскресенье утром в дверь позвонила еще одна соседка – из квартиры напротив. Та уже не была столь же интеллигентна, как хозяйка Рольфика, а просто и прямо поставила условие, что если Вера не уберет бездомную кошку с

общей площадки, то она просто выбросит ее на улицу. Вера Викторовна поспешила заверить, что до вечера что-то решит, закрыла за ней дверь, едва не прищемив Кошку, которая была, конечно, тут как тут, и в глубоких раздумьях усе-лась прямо в прихожей, не понимая, что ей теперь делать.

Кошку было очень жалко: все свои пять месяцев жизни она явно скиталась по холодным дворам, питалась чем бог пошлет, расточительно расходовала свое щуплое обаяние в поисках тепла, а может быть, даже была жестоко изгнана из человеческого дома (ведь где-то она узнала, что такое туалет!). И даже теперь, когда она наелась, обсохла и немного разгладилась, она по-прежнему никому – совершенно никому! – не нужна. И в первую очередь, конечно, Вере.

Она вспомнила душераздирающий крик Бродского о том, что кто-то должен любить некрасивых, и глаза ее наполнились слезами. Нужно было что-то решать прямо сейчас. И Вера чувствовала, что какое бы решение она ни приняла, она в любом случае о нем пожалеет. Выбросить Кошку снова на улицу она не сможет, оставлять ее и дальше на площадке ей не позволят соседи, отдать ее в приют не получается, по объявлениям не звонят, и никто из знакомых на ее предложение взять чудесную ласковую кошечку себе домой не отреагировал. Остается только одно: взять ее себе. Но это будет таким опрометчивым шагом! Как же чистота, порядок, симпатичные вазочки на комодe, цветы на столе?.. Как же поездки в отпуск? Возможность посвящать свое время только себе?!

Нет, кошка в ее доме – это недопустимо!

Она вдруг заметила, что горько плачет. То ли от жалости к Кошке, которая никому не нужна, то ли от собственной беспомощности перед беспощадными обстоятельствами. Она сидела на низкой галошнице в своей чистенькой уютной прихожей, опершись локтями о колени и съезжившись, как от холода, и крупные слезы капали из ее глаз на пол каждый раз, когда она моргала. Поза, как и вообще ситуация, были ей настолько несвойственны, что она как будто со стороны смотрела на эти капли, которые, несмотря на абсолютную неподвижность Веры, падали почему-то не точно одна на другую, а каждый раз с небольшим смещением, поэтому уже казалось, что на полу образовались две небольшие лужицы.

Вера Викторовна как будто уже прощалась с прежней жизнью, переходила в новый ее этап, и этот переход, как рождение, был болезненным.

Наконец, она взяла себя в руки, вытерла слезы со скользких от недавно нанесенного крема щек, промокнула лужи на полу и решительно пошла на площадку. Кошка как будто почувствовала: Вера увидела ее сразу же, как только открыла дверь. Она сидела прямо напротив, но почему-то не пыталась проникнуть через порог, словно понимала, что сейчас уже можно дожидаться разрешения.

– Ну заходи, – сердито пригласила Вера Викторовна.

Ее раздражала эта безвыходность, это отсутствие вариантов, это неожиданное насилие со стороны мироздания.

Кошка вошла в прихожую и сразу навалилась всей своей костлявой взъерошенной спиной на уютную устойчивую ногу Веры, начала исступленно мурлыкать и нервно переминаясь с ноги на ногу, стараясь всеми доступными ей средствами запоздало заслужить уже почти нежданную милость.

Вера Викторовна решила так: пусть Кошка живет своей жизнью, а она будет жить своей. В двухкомнатной квартире вполне хватит места для них обеих – Вера даже без сожалений решила пожертвовать целой комнатой. Двери у нее закрывались на защелку, поэтому нарушение границ было невозможно.

Пока она обустроивала новый быт и выходила за странными, не знакомыми ей покупками в зоомагазин, который (ну хоть это хорошо!) тоже оказался в ее же доме, дверь в дверь с ветклиникой, воздух налился осенними сумерками. Воскресенье, которое она всегда так любила за его тягучий ход и разреженность событий, с самого утра начало наполняться лишними разговорами, мыслями, делами, которые слишком быстро дошли до краев дня.

Вера Викторовна закрыла Кошку в отведенной для нее комнате и села первый раз за день поесть. Готовить, конечно, уже ничего не хотелось, поэтому она просто сделала себе бутерброд с колбасой, которую уже мысленно называла не иначе как «Кошкина». Впервые за много лет она не отдохнула за выходные. От непривычных слез у нее разболелась голова, а обилие непрошенных впечатлений создавало эффект пче-

линого улья: воспоминания о них роились, жужжали и даже будто бы бились изнутри, заставляя руки немного подрагивать, когда Вера наливала себе чай.

Но спокойно поужинать тоже не удалось: Кошка сначала тоскливо завывала под закрытой дверью комнаты, а потом и вовсе начала отчаянно рваться наружу, царапая дверь своими тоненькими, но такими сильными от настырности лапами. Каждый ее вопль резал Вере привыкший к благозвучной тишине слух, а когти, казалось, царапали не дверь, а душу.

Но нельзя проявлять слабость! В животных надо воспитывать послушание. Вера Викторовна подробно подготовилась ко сну, решив во что бы то ни стало хотя бы в этом не нарушать своих традиций, улеглась и приготовилась к наслаждению засыпания. Но только она ощутила приятную отвлеченность мыслей и смыкание над головой ментоловой прохлады сна, как в сознание вонзились ядовитые шипы кошачьих воплей.

Так продолжалось довольно долго, но Верино здоровье в конце концов победило: под эту писклявую колыбельную она уснула. Кошка, по всей видимости, тоже утомилась и на какое-то время замолчала, потому что около четырех утра новая порция ее криков прозвучала в кромешной тишине, как сигнал о воздушной тревоге. Первой мыслью Веры Викторовны, не привыкшей к столь раннему и к тому же слишком стремительному пробуждению, было сожаление о принятом решении. Она стала корить себя за поспешность: все-таки

животные в доме – слишком большая обуза.

Она попыталась еще поспать, но неприятное шевеление мыслей и громкие вопли не позволили забыться. Встала она злой и разбитой: Кошка украла у нее целых два часа сна!

Прошла неделя, потом вторая... Каждую ночь в Кошку будто вселялся дьявол: она до полуночи драла глотку, потом пару часов набиралась сил и задолго до рассвета принималась старательно проковыривать выход из своей темницы под звуковое сопровождение в самых высоких регистрах.

Как только первые звуки беспощадно резали своим острым скальпелем Верин слух, она уже не могла от них отвлечься. Они взбалтывали ее эмоции, создавая коктейль из жалости к себе и огненной ярости, которую она сначала сдержанно пыталась обуздать, но под конец начала выпускать на волю.

– Заткнись! – орала она, обращаясь к Кошке.

Но та почему-то не слушалась.

Вера изучала в Интернете поведение кошек и причины их беспокойства и даже носила Кошку к тому татуированному Айболиту в надежде на какую-нибудь волшебную таблетку, но единственное, что удалось выяснить, – что кошки не выносят закрытых дверей и, как неудачно пошутил ветеринар «кошачья болтливость не лечится». Однажды она даже поступилась своими границами и позволила Кошке бродить по дому, закрыв дверь только в собственную комнату (должен же остаться хоть островок ее личного пространства!).

Но Кошка и не думала успокаиваться: она что-то разбила на кухне, сбросила с полочки в прихожей какой-то позвякивающий предмет (видимо, серьги), но даже это не отвлекло ее от главного. Она подошла теперь вплотную к двери Веринной комнаты и стала рваться уже сквозь нее, криками подтверждая серьезность своих намерений.

Не успев понять, что она делает, Вера вскочила на ноги и ринулась мягкой грудью на режущий звук. От неожиданности Кошка не успела отскочить. Вера схватила ее за шиворот и со всей силой своей ярости швырнула в отдельную комнату. Когда дверь была уже закрыта, перед Веринным внутренним взором включился «повтор записи», на котором она увидела, как жалко изогнулось Кошкино худое тело, когда ее задние ноги, почти опережая передние, взлетели в воздух от мощного броска.

Вера накапала себе валосердина, закрыла дверь и в свою комнату и громко, заглушая возобновившиеся Кошкины крики, зарыдала. Она не видела выхода: оставить Кошку у себя значило лишиться покоя, выбросить ее – значило совершить подлость.

За эти две недели Вера Викторовна осунулась и поблекла. Даже ученики стали замечать, что с ней что-то происходит, а это было совсем уже неприлично.

Постепенно она начала осознавать, что с первых секунд «знакомства» с Кошкой почувствовала непоправимость происходящего. Каждое связанное с ней событие будто высека-

лось в камне – без предварительных эскизов и возможности исправить написанное.

Вера Викторовна терпеть не могла всякие пошлые интернет-мемы, которые частенько присылали ей ее не слишком умные подружки, но именно теперь, когда она была на грани отчаяния, она вспомнила один из них. Это была молитва: «Дай мне, Господи, сил изменить то, что я могу изменить, терпения принять то, что я изменить не могу, и мудрости отличить одно от другого». Видимо, до сих пор у Веры Викторовны не было ни терпения, ни мудрости. Только силы, которые теперь как раз были на исходе.

Придя домой после невыносимо долгого рабочего дня, Вера первым делом выпустила из комнаты Кошку: держать ее взаперти больше не было смысла – она все равно занимает собой все жизненное пространство.

Энергии не осталось совсем. Не ужиная и даже не умываясь, Вера легла в постель, выключила свет и первые несколько минут не могла понять, что именно изменилось. А оказывается, на дом мягко опустилась тишина.

«Наверно, ненадолго», – не поверила Вера и тут же ощутила вдоль тела едва заметную и совершенно неслышную поступь.

Кошка очень осторожно подошла вплотную к лежащей на боку Вере, потом опасливо, но настойчиво заполнила собой прямой угол Вериного тела, уместившись точно в пределах воображаемой дуги, навалилась на живот всем своим почти

не осязаемым весом и затихла. Казалось, будто вся энергия звука теперь преобразовалась в тепловую: стараясь всем телом почувствовать живое тепло человека, Кошка впитывала его и возвращала в трехкратном количестве. Полежав так около минуты, она закопошилась, совсем по-человечески приподнимаясь и переключаясь, чтобы уткнуться головой в Верину руку, безвольно лежащую на постели ладонью вверх. Почти не отдавая себе отчета, Вера сложила ладонь лодочкой, как бы слегка обняв этот странный живой предмет – горячий и чуть щекочущий кожу.

Кошка, видимо, только что умылась, потому что во время ее возни от шерсти знакомо и печально пахнуло сыростью. Вера ощутила пальцами легкую беззащитную дрожь Кошкиных век и ритмично сменяющие друг друга едва заметные прохладный вдох и горячий выдох, и этот трепет электрическим разрядом прошел по руке, достиг сердца и взбаламутил осевший на дно ил уже бесполезных инстинктов. Вера то ли услышала, то ли почувствовала кожей, как Кошка, наконец получившая все желаемое, сладко причмокивает во сне, задохнулась от внезапной переоценки своих заслуг и ошибок и подумала: «Наверно, так обычно зарождается любовь к ребенку».